

Императивы взаимодействия ЕАЭС, ШОС и БРИКС в глобальной геополитике

Кефели Игорь Федорович

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой глобалистики и геополитики
Первый вице-президент Академии геополитических проблем, эксперт РАН,
главный редактор журнала «Геополитика и безопасность»
Доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
geokefeli@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются процессы глобальной геополитической и экономической интеграции на евразийском пространстве. ОДКБ рассматривается как щит ЕАЭС в условиях расширения дуги нестабильности. Определены императивы взаимодействия ЕАЭС, ШОС и БРИКС и сценарии развития евразийской цивилизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобальная геополитика, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС, евразийская цивилизация, геополитическая интеграция

Kefeli I. F.

Interaction Imperatives EEMA, SCO and BRICS in Global Geopolitics

Kefeli Igor Fedorovich

Baltic State Technical University «MILITARY MECHANICAL INSTITUTE» of D. F. Ustinov (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Global Studies and Geopolitics
First Vice-President of Academy of Geopolitical Problems, expert of RAS, editor-in-chief of the Journal «Geopolitics and Safety»
Doctor of Science (Philosophy), Professor, Honored worker of the higher school of the Russian Federation
geokefeli@mail.ru

ABSTRACT

Analyses the processes of global geopolitical and economic integration in the Eurasian space. The CSTO is regarded as a shield EEMA growing arc of instability. Determined the imperatives of interaction EEMA, SCO and BRIC and scenarios for development of the Eurasian civilization.

KEYWORDS

global geopolitics, CSTO, EAEC, SCO, BRIC, Eurasian civilization, the geopolitical integration

В данной статье основное внимание будет уделено анализу процессов глобальной геополитической и экономической интеграции на евразийском пространстве, что следует рассматривать как продолжение рассмотрения вопросов моделирования процессов объединения национальных интересов государств ЕАЭС, ШОС и БРИКС с применением теории кооперативных игр [1; 2]. Прежде всего, обратимся к проблеме геополитического дуализма «*ВЫЗОВ — ОТВЕТ*» на евразийском пространстве.

ОДКБ — щит ЕАЭС. В геополитическом дуализме «*ВЫЗОВ — ОТВЕТ*» «*ВЫЗОВ*» — это «Евразийское кольцо нестабильности» на внешних границах всех регионов коллективной безопасности ОДКБ (рис. 1), а также расширение военной инфраструктуры НАТО в Восточной Европе, Каспийско-Черноморском регионе и Центральной Азии. В качестве «*ответа*» следует рассматривать «Евразийский пояс безопасности», объединяющий усилия действующих на постсоветском пространстве коалиционных структур (ОДКБ, ЕАЭС, ШОС) и Единой системы ПВО и ПРО ОДКБ. Зоной ответственности ОДКБ, как это декларируется в «Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года», принятой 14 октября 2016 г., являются «территории государств-членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутреннее воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств — членов ОДКБ».

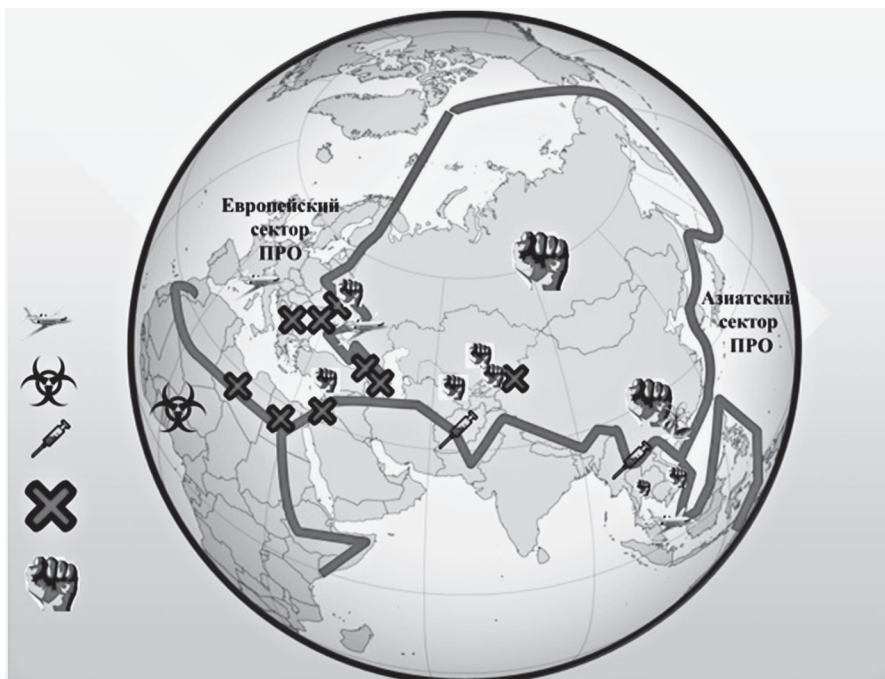

Рис. 1. Евразийское кольцо нестабильности (обозначение знаков сверху вниз: теракты на воздушном транспорте, эпидемии, наркобизнес, прошедшие цветные революции, угроза цветных революций¹)

А это 20,5 млн км², т. е. 37% всего евразийского пространства. Это дает основание рассматривать пространство ЕАЭС как контуры евразийской цивилизации, а ОДКБ — как щит ЕАЭС.

Обратимся к документам. Упомянутое выше положение о зоне ответственности ОДКБ конкретизирует ст. 7 Устава ОДКБ от 7 октября 2002 г. и «Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности», принятое 10 декабря 2010 г. Генеральный секретарь ОДКБ Н. Н. Бордюжа, выступая в Вене на заседании Постоянного Совета ОБСЕ 13 февраля 2007 г., в частности, отмечал, что «при полном учете геополитических реалий, в которых действует Организация, необходимый акцент делается на дальнейшем укреплении политического взаимодействия, прежде всего в плане мониторинга военно-политической обстановки в регионе и мире, своевременного выявления и предотвращения политическими средствами кризисных и конфликтных ситуаций в зоне ответственности ОДКБ». В том же выступлении Н. Н. Бордюжа обратил внимание участников заседания на то, что еще в 2004 г. ОДКБ выступила с предложением о налаживании диалога с НАТО, прежде всего, в вопросах противодействия наркоугрозе, исходящей с афганской территории. Однако ответа и каких-либо встречных предложений из Брюсселя так и не поступило, «хотя необходимость в таком сотрудничестве очевидна, а от его отсутствия в равной, если не в большей степени проигрывает и Североатлантический альянс»². Зона ответственности ОДКБ в те годы была сосредоточена преимущественно в Центрально-Азиатском регионе, где государства-члены ОДКБ оказались на передовых рубежах борьбы с наркотрафиком, исходящим с территории Афганистана и устремляющимся главным образом в Восточную и Западную Европу. Не претендуя на полное освещение вопроса об эволюции самого определения зоны ответственности ОДКБ, сошлюсь лишь на два документа.

В Ежегодном докладе Совету коллективной безопасности ОДКБ 10 декабря 2010 г. Н. Н. Бордюжа большое внимание уделил характеристике факторов глобального и регионального действия в зоне ответственности ОДКБ, выделяя при этом следующие регионы коллективной безопасности

¹ См.: Колотов В. Н. Система дуг нестабильности в Евразии и проблемы безопасности РФ: [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/articles/sistema-dug-nestabilnosti-v-evrazii-i-problemy-bezopasnosti-rf> (дата обращения: 27.09.2016).

² Выступление Генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности Н. Н. Бордюжи на заседании постоянного Совета ОБСЕ: [Электронный ресурс]. URL: <http://dkb.gov.ru/f/azr.htm>.

этой зоны: Европейский, Кавказский и Центрально-Азиатский¹. На основании этого доклада было принято упомянутое выше «Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности». На сегодняшний момент в военную (силовую) составляющую Организации входят сформированные на широкой коалиционной основе Коллективные силы оперативного реагирования и Миротворческие силы, а также региональные группировки сил и средств коллективной безопасности: Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона, Региональная российско-белорусская группировка войск (сил) Восточноевропейского региона, Объединенная российско-армянская группировка войск (сил) Кавказского региона. Действует Объединенная система ПВО России и Беларуси, создается российско-армянская региональная система ПВО. Так постепенно зона ответственности ОДКБ обрела четкие евразийские контуры².

3 апреля 2014 г. на заседании Совета министров иностранных дел государств-членов ОДКБ в Москве, пожалуй, впервые было заявлено о целесообразности «активизировать работу ОДКБ по установлению более плотных контактов с Шанхайской организацией сотрудничества и выйти на развитие непосредственных контактов с руководством Афганистана как на центральном уровне, так и на уровне приграничья. На том же заседании Н.Н.Бордюжа более четко сформулировал очередные задачи: «Считаю, что целесообразно устанавливать контакты и с другими международными организациями как в азиатском регионе, так и по другим направлениям, которые специализируются на вопросах безопасности. Эти меры подтверждены сегодня министрами, и мы будем их реализовывать с учетом той ситуации, которая сегодня складывается вокруг и Российской Федерации, и вокруг зоны действия ОДКБ»³.

Геополитические перспективы евразийской интеграции. Недавно в одном из интервью Сергей Караганов заявил: «Мы хотим стать центром большой Евразии, местом, где царит мир и сотрудничество. К этой Евразии будет принадлежать и континент Европа... На данный момент Россия превратилась в азиатско-европейскую мощную державу. И я был одним из тех, кто обозначил этот путь развития, на восток, как верный. Но на данный момент могу сказать, что нам стоит в некоторой степени снова повернуться к Европе»⁴. Невольно вспоминаются слова В.И.Ламанского, с которых начинается одна из значительных его географических работ «Три мира Азийско-Европейского материка»: «Европа есть собственно полуостров Азии, и потому она с последней составляют одно целое, одну часть света, которая, по всей справедливости, может носить еще название Азийско-Европейского материка». То, что Караганов высказывает как стремление России стать «центром большой Евразии», подобной «России — Евразии», о которой писали П.Н.Савицкий и Г.В.Вернадский, Ламанский утверждает с точки зрения географической, этнологической, историко-культурной и политической [3]⁵.

На евразийском пространстве стратегия перехода к полицентричному мироустройству реализуется в создании таких коалиций государств, как Евразийский экономический союз и Шанхайская организация сотрудничества, а в глобальном масштабе — БРИКС, коалиции, объединяющей Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южно-Африканскую республику. Методология исследования и прогнозирования перспектив евразийской интеграции — моделирование многоагентного взаимодействия геополитических акторов коалиций на основе математической теории игр. Стратегия перехода к полицентричному мироустройству предполагает необходимость перехода от так называемой «геополитической беллетристики» к геополитике, основанной на математическом моделировании процессов глобальной политики методами теории игр. В таком случае для формализации процессов конвергенции национальных интересов государств в рамках геополитических союзов необходимо прибегнуть к обоснованию модели конфликтного распределения затрат агентов (государств, входящих в коалицию — геополитический союз). Для всякой функции полезности коалиций $C(K)$ существует единственный вектор распределения полезности $\Phi(C)$ — вектор Шепли. Теория игр позволяет определять скрытую логику взаимодействия геополитических акторов полицентричного мира.

Новая геополитическая ситуация. Геополитическая карта мира второй половины второго десятилетия XXI в. изменилась радикальным образом. Причина этому — появление трех четко

¹ О Ежегодном докладе Генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности: [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/17019820/>.

² Организация Договора о коллективной безопасности: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odkb-csto.org/structure/>.

³ Главы МИД стран ОДКБ обсудили ситуацию в зоне ответственности ОДКБ и сопредельных территориях: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belvpo.com/ru/36416.html>.

⁴ Der Spiegel: [Электронный ресурс]. URL: <https://polka.dirty.ru/samoe-g>.

⁵ См. также: [4, с. 183, 206].

оформленных геополитических объединений государств на евразийском пространстве (и не только), становление которых служит наглядным подтверждением перехода к полицентричному мироустройству. Причем здесь достаточно четко прослеживается собственно геополитическая природа данных объединительных процессов — теллуократическая, выражающая объединительные процессы государств Суши, с одной стороны, и геочивилизационная, т. е. объединительные процессы комплиментарных цивилизаций¹. Сложившаяся тенденция находит отражение и в документах международно-правового порядка. Еще в 2007 г. в «Обзоре внешней политики Российской Федерации» отмечалось, что «нарастающие процессы глобализации... ведут к более равномерному распределению ресурсов влияния и экономического роста, закладывая объективную основу для многополярной конструкции международных отношений», конкуренция в которой обретает «цивилизационное измерение»².

Эти положения получили более четкие формулировки в «Концепции внешней политики Российской Федерации» (от 30.11.2016). Во-первых, в документе четко различаются три региона евразийского континента — Евро-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский.

Во-вторых, в «Концепции» отмечаются выразившиеся в осуществляемой НАТО и ЕС геополитической экспансии системные проблемы в Евро-Атлантическом регионе, несмотря на которые стратегической задачей в отношении с ЕС «является формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции» (ст. 63). В-третьих, «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важную направленность своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону... и настроена на формирование... пространства совместного развития государств — членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» (ст. 78, 82). Таким образом, мы можем теперь не только концептуально, но и опираясь на официальный документ, который явился продуктом многолетних научных исследований и дискуссий, утверждать о признании **концепции евразийства как общегосударственной**. При этом необходимо учитывать возможные сценарии развития евразийской цивилизации. Пессимистический (инерционный) сценарий представляет картину завершения распада евразийской цивилизации, в результате чего останется лишь ее ядро в виде ЕАЭС, а остальные евразийские страны будут поделены на сферы влияния западноевропейской, мусульманской и китайской цивилизаций. С другой стороны, оптимистический (инновационно-прорывной) сценарий предстает как возрождение евразийской цивилизации в новом формате с усилением геополитического влияния ЕАЭС и постепенным перерастанием «евразийской пятерки» в «евразийскую десятку», а в более отдаленной перспективе — в «евразийскую дюжину».

Россия занимает основную часть Евразийского региона («Россия-Евразия») и выстраивает свои отношения с государствами Евро-Атлантического и Азиатско-Тихоокеанского регионов (см. рис. 2, 3) на основе традиций своей тысячелетней истории глобального тренда современности — «складываются новые центры экономического и политического влияния. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике» (ст. 4).

В условиях децентрализации глобальной системы управления ООН сохраняет за собой ключевую роль в процессах регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI в., но, вместе с тем достаточно четко прослеживается тенденция к формированию полицентричной модели мира на основе процессов, протекающих на региональном уровне. В условиях рассредоточения глобального потенциала силы и развития по регионам мира, смещения центра экономической и политической активности в Восточную и Северную Евразию наблюдается стремление государств этих регионов к объединению, что характеризуется рядом показателей. Во-первых, это переход от однополярного (*Беловежского, past cold war*) к полицентричному мироустройству. Во-вторых, происходит трансформация классической (*военной, силовой*) геополитики в современную — глобальную, цивилизационную. В-третьих, Евроатлантика и Большая Евразия образуют полюсы силы (*политической, экономической, духовной*), отношения между которыми задают основной тренд мировой политики (рис. 4). «В современном мире, — как заявил И. Иванов на XX ежегодной

¹ Комплиментарность (в этнологии) — взаимная симпатия (или антипатия) этносов. Симпатия (положительная комплиментарность) приводит к симбиозу или слиянию этносов, а антипатия (отрицательная комплиментарность) — к химере, т. е. деструкции и утрате этничности.

² Обзор внешней политики Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/.

Рис. 2. Евро-Атлантический регион

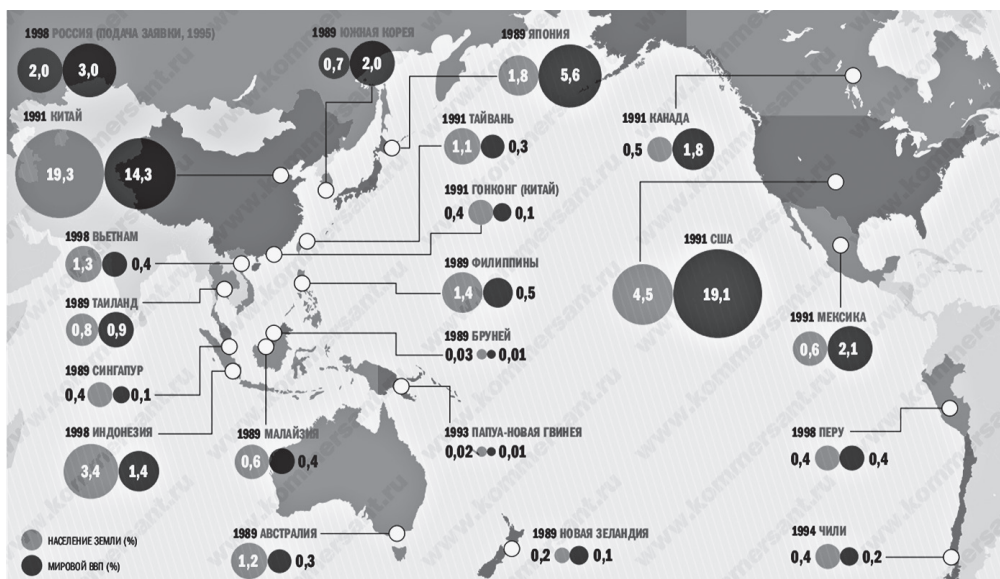

Рис. 3. Азиатско-Тихоокеанский регион

Источник: аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай».

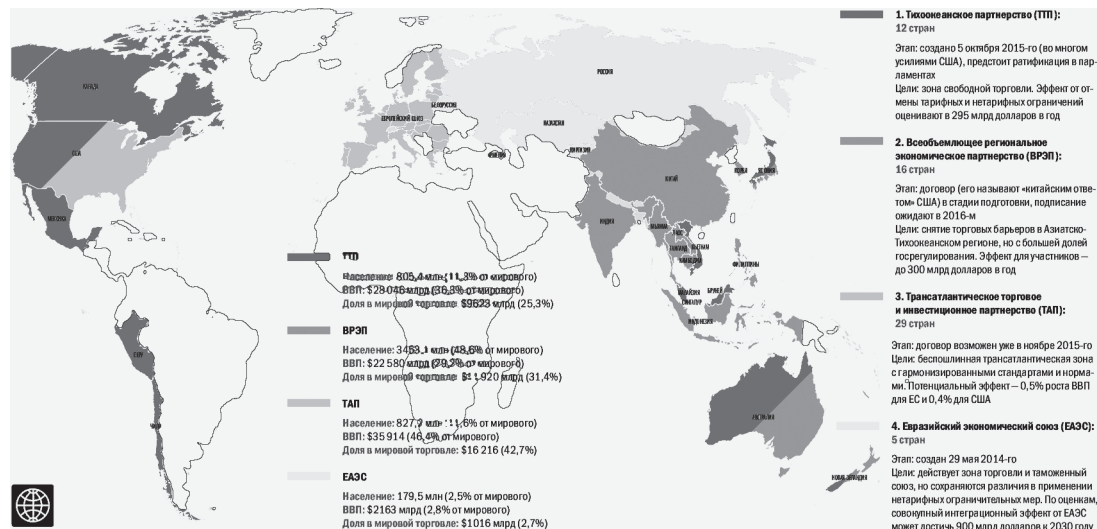

Рис. 4. Мир вступает в эпоху глобальной конкуренции коалиций государств

конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность», — евроатлантическое пространство включает в себя западные государства, расположенные в Европе и в Северной Америке. С другой стороны, набирают обороты процессы евразийской интеграции и сотрудничества. Это и Евразийский экономический союз, и Шанхайская организация сотрудничества, и проект Нового Шелкового пути. Стало модным заявлять о том, что на место Большой Европы от Лиссабона до Владивостока приходит Большая Евразия от Шанхая до Минска. И хотя контуры Большой Евразии пока остаются зыбкими и во многих отношениях неясными, нельзя не видеть объективный и долговременный характер процессов становления новой транснациональной экономической и политической конструкции. Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего»¹.

В этой ситуации Россия трансформируется из восточного фланга несостоявшейся Большой Европы (а если расширить масштаб — от «Der Untergang des Abendlandes» О. Шпенглера к «Закату Большой Европы» сегодня) и превращается в западный фланг формирующейся Большой Евразии (Great Eurasia). Генри Киссинджер в своем выступлении 4 февраля 2016 г. на открытии Центра внешнеполитического сотрудничества имени Е. М. Примакова в Москве по-своему объяснил суть геополитического противостояния США и России и отмеченную выше трансформацию: «Для Соединенных Штатов конец Холодной войны означал защиту своей традиционной веры в неизбежную демократическую революцию. Это выразилось в расширении международной системы, управляемой исключительно правовыми нормами. Но исторический опыт России более сложен. Для страны, через которую веками маршировали иностранные армии и с востока, и с запада, у безопасности есть как геополитическое, так и юридическое измерение. После того как российская зона ответственности сместилась от Эльбы на тысячу миль на восток к Москве, российское восприятие мирового порядка неизбежно будет содержать стратегический компонент. Проблема нашего времени состоит в том, чтобы совместить эти два измерения — юридическое и геополитическое — в нужной последовательности... В зарождающемся многополярном мире Россия должна восприниматься в первую очередь не как угроза США, а как важная часть системы глобальной стабильности»².

Императивы взаимодействия ЕАЭС, ШОС и БРИКС. В сложившейся ситуации медленно, но все более явно осуществляется сопряжение трех геополитических проектов:

- Евразийский экономический союз (ЕАЭС, рис. 5);
- Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП, рис. 6);
- Возрождение логистического проекта «Север-Юг» (Россия, Иран, Индия, рис. 7).

¹ РСМД: Закат Большой Европы: [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6564#top-content 12.09.2015.

² Выступление Генри Киссинджера на открытии Центра внешнеполитического сотрудничества имени Е. М. Примакова: [Электронный ресурс]. URL: <http://gorchakovfund.ru/print/news/18353/>.

Рис. 5. Геополитическое пространство ЕАЭС

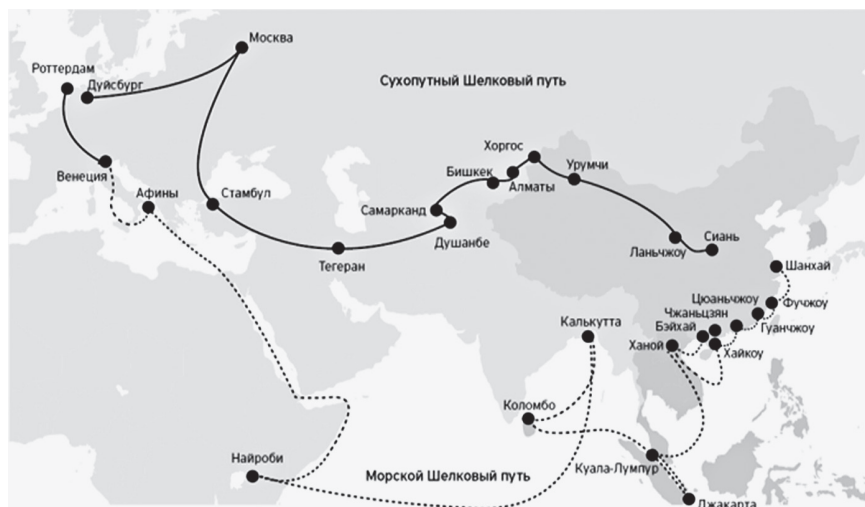

Рис. 6. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП)

Источник: китайское информационное агентство «Синьхуа».

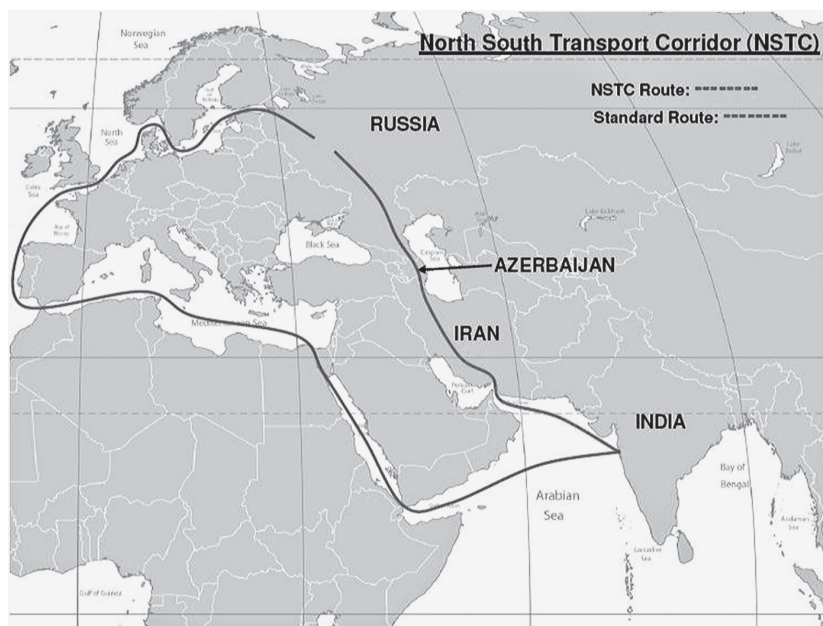

Рис. 7. Логистический проект «Север-Юг» (Россия, Иран, Индия)

Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути». Данный проект (ЭПШП) следует рассматривать в качестве тренда развития ШОС на ближайшие десятилетия. Ключевая задача, определяющая его реализацию, — интеграция ЭПШП и ЕАЭС. Несмотря на то, что влияние России в ШОС меньше, чем в ЕАЭС, ШОС играет важную для России роль по подключению Китая, Индии, Ирана, Пакистана и Монголии к многостороннему сотрудничеству в Центральной Азии. Для государств Центральной Азии, где одностороннее влияние России или Китая всегда воспринималось с некоторым опасением, их присутствие в рамках ШОС в качестве равноправных членов является наиболее эффективным механизмом геополитического взаимодействия.

Речь идет, **во-первых**, о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) как международной организации региональной экономической интеграции. Как заявлено в «Договоре о Евразийском экономическом союзе», Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия объединили свои усилия для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня населения, для всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики. Таким образом, на пространстве СНГ образован новый центр экономического развития, который занимает 1-е место в мире по занимаемой территории (20 229 248 км²), 5-е место по ВВП (4077,1 млрд долл. — по данным МВФ; 4046,1 млрд долл. — по данным ВБ), 7-е место по численности населения (более 183 млн чел.). Более того, ЕАЭС тесно взаимодействует с Организацией договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая обеспечивает безопасность союза.

Во-вторых, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС, рис.8) обрела статус новой «Большой восьмерки», объединяющей государства Большой Евразии — Северной, Восточной, Южной и Западной (которая представлена партнерами по диалогу — Азербайджаном, Арменией и Турцией, а Сирия и Египет подали заявку на участие в ШОС в качестве государств-наблюдателей).

Рис. 8. Геополитическое пространство ШОС

По итогам работы саммита ШОС (Уфа, 10 июля 2015 г.) ее пространство, включавшее ранее Казахстан, Киргизию, Китай, Россию, Таджикистан и Узбекистан, расширилось за счет двух ядерных держав — Индии и Пакистана. Белоруссия получила статус наблюдателя (наряду с Афганистаном, Ираном и Монголией). Статус партнеров по диалогу имеют Азербайджан, Армения, Бангладеш, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка. После вступления Пакистана и Индии, второй после Китая по численности страны в мире, ШОС объединила половину населения Земли. По сути дела, ШОС объединила страны, которые близки не только территориально, но имеют во многом схожие геополитические интересы.

В-третьих, — это БРИКС, объединение государств (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) на основе общих интересов, реализующихся в стремлении к установлению полицентричного мира и реформе его финансово-экономической архитектуры, к созданию глобальной системы взаимодополняющих экономик и укреплению международного права, способного противостоять силовому диктату в международных отношениях (рис. 9).

Рис. 9. Геополитическое пространство БРИКС

БРИКС — своеобразная геополитическая модель современного мироустройства, которая, с одной стороны, выражает глобальные интеграционные процессы нового поколения. Это модель, представляющая объединение ряда государств не вокруг какого-либо одного экономического или военного лидера (или же того и другого вместе), а «асимметричные» объединения, в которых каждое из государств выступает лидером в какой-либо одной сфере деятельности и тем самым обеспечивает мультипликативный эффект развития объединения в целом. С другой стороны, — БРИКС предстает моделью полицентричного мира, в равной степени приемлемую для стран «ядра», «периферии» и «полупериферии», объединяемых в геочивилизации. По сути дела, БРИКС следует рассматривать как исторически первый наглядный пример межгосударственного объединения, не направленного против каких-либо третьих стран. В таком случае следует рассмотреть три типа моделей межгосударственных объединений.

1. Союз государств (ЕАЭС), решающий общие экономические задачи и имеющий свой щит безопасности (ОДКБ).
2. Континентальная (евразийская) организация (ШОС), реализующая общие геоэкономические и геополитические задачи ее участников.
3. Глобальное полицивилизационное формирование (БРИКС), представляющее собой модель полицентричного мира будущего.

Еще в преддверии образования БРИК (2006 г.) отмечалось, что «Четыре страны БРИК стремятся сформировать политический клуб (союз) и таким образом преобразовать *«свою растущую экономическую власть в большее геополитическое влияние... Региональные соседи могли бы воспользоваться возможностями роста от БРИК. С тремя из четырех крупнейших экономик в 2050 г., проживающих в Азии, мы могли видеть важные геополитические сдвиги в направлении азиатского региона»*[5]. В Декларации, принятой руководителями Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР 16 октября 2016 г. («Декларация Гоа»), подтверждается общее видение происходящих серьезных изменений в мире по мере перехода к более справедливому, демократичному и многополярному международному порядку (ст. 6, 7), многостороннее взаимодействие БРИКС с ШОС и ОДКБ (ст. 16). Декларация представляет собой политический документ, выражающий намерения совместного

решения задач в области экономики, глобальной безопасности, устойчивого развития, разрешения геополитических конфликтов (ст. 24). Ныне БРИКС предстает одним из перспективных вариантов глобальной геополитической и экономической интеграции, который получает воплощение в рамках Большой Евразии как объединение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути.

Мы находимся у истоков грандиозных преобразований на евразийском континенте, способных реализовать проект устройства полицентричного мира, ключевыми акторами которого станут мировые гецивилизации. Речь идет об объединении усилий по созданию Евразийского союза (Евразийский экономический союз я рассматриваю как этап к его созданию) и предложенного Китаем Экономического пояса Шелкового пути.

Соглашусь с мнением Чрезвычайного и Полномочного Посла России, заместителя директора Российского центра исследований АТЭС Г. А. Ивашенцова: «Сегодня единое евразийское пространство — Китай с Юго-Восточной Азией и Россия с Евразийским союзом, к которым тяготеют Индия, Ближний Восток и Африка, экономически все больше теснит всеильную прежде тройку США — Европа — Япония»¹. Действительно, с начала XXI в. на евразийском континенте в геополитические игры все более активно начинают вступать гецивилизации и международные коалиции — ШОС, АТЭС, ЕС, ЕЭС, БРИКС и др. ШОС, к примеру, рассматривается как своего рода связующее звено между Евразийским экономическим союзом, морским Шелковым путем и Экономическим поясом Шелкового пути. Весной 2015 г. китайское правительство разработало и опубликовало документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века», которое завершается примечательными словами: «Строительство «Одного пояса и Одного пути» — это не только инициатива Китая, но и общее желание Китая и всех других стран, расположенных на этом пути» (см. рис. 4).

Седьмого сентября 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении в Астане предложил «объединить усилия и на основе инновационных методов взаимодействия создать экономическую зону Великого шелкового пути, сделать поддерживаемые между евро-азиатскими странами экономические связи более тесными». По его словам, «новый коридор вдоль Шелкового пути отличается от традиционной модели регионального сотрудничества тем, что не будет подразумевать взаимодействия путем учреждения наднациональной управляющей структуры». Кроме того, у нового Шелкового пути нет четких географических рамок, отправных и конечных пунктов. Агентство «Синьхуа» сообщало в конце 2013 г.: «Китай предложил сформировать экономическую зону с масштабным рынком и огромным потенциалом, охватывающую более 30 стран Евразии с населением свыше 3 млрд человек. В настоящее время страны, расположенные на Шелковом пути, обеспечивают до 23% мирового экспорта». По мнению Ван Чэнцзя, сотрудника Центра изучения проблем развития при Госсовете КНР, «географические границы нового Шелкового пути начинаются в Китае и распространяются через Центральную Азию и Закавказье в Россию. Зона может быть «растянута» на Западную и Южную Азию, а также на Центральную и Восточную Европу». Какое место в новой концепции займет Россия? Сунь Чжуанчжи, научный сотрудник Академии общественных наук Китая, пишет: «Речь в первую очередь идет о сотрудничестве между Китаем, странами Центральной Азии и Российской Федерацией, которое мощно продвигается в последние годы. Сейчас в истории китайско-российских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия наступил наилучший период»².

К теме Шелкового пути руководители России и Китая вернулись в ходе переговоров сначала во время встречи Владимира Путина с Си Цзиньпином в феврале 2014 г. в Сочи. В мае того же года в Шанхае Путин заявил о поддержке зоны Шелкового пути и участия китайских компаний в освоении Русского Востока. Модернизация БАМ и Транссиба будет скоординирована с новым Шелковым путем, заявили лидеры двух стран в коммюнике по итогам шанхайских переговоров. По сообщению газеты «Жэньминь Жибао», 1 февраля 2015 г. в Пекине на совещании были утверждены проекты строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в. («Один пояс — Один путь»), экономических коридоров «Китай-Монголия-Россия» и «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма»³.

28–29 октября 2015 г. в Мадриде состоялся форум, организованный Госсоветом КНР. В работе форума приняли участие более 50 делегаций — представителей ведущих экспертных центров

¹ Ивашенцов Г. А. Путь к мирной Евразии: [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5889#top-content (дата обращения: 12.05.2015).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://www.avesta.tj/china/32080-perspektivy-po-sovmestnomu-sozdaniyu-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti.html>.

³ Тавровский Ю. В. Шелковый путь возвращается на карту мира: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/courier/2014-09-01/9_silkroad.html (дата обращения: 01.09.2014).

Рис. 10. Северный морской путь — российский проект

из 27 стран мира, занимающихся изучением проекта «Шелкового пути». Основная цель форума заключалась в попытке институционализировать процесс изучения китайского проекта путем создания широкой международной сети центров в рамках международного исследовательского оргкомитета под руководством государственных структур КНР¹. Среди множества вопросов стратегического порядка, требующих согласованного решения, ключевым для России и других государств, входящих в ЕАЭС, стал следующий: ЭПШП нацелен не только на взаимодействие с Россией и странами Центральной Азии, но и на коадаптацию с интересами Евросоюза. Принципиальное значение имеет тот факт, что Китай и страны Центральной Азии заинтересованы в сопряжении не только ЭПШП — ЕАЭС, но и ЭПШП — ЕАЭС — ЕС. В отсутствие координации в треугольнике ЭПШП — ЕАЭС — ЕС контакты будут поддерживаться только между ЭПШП — ЕАЭС и ЭПШП — ЕС, тогда как экономически чрезвычайно важный элемент сопряжения ЕАЭС — ЕС будет отсутствовать. Без взаимодействия ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские проекты сопряжения ЭПШП и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации и ЕАЭС, которые понесут существенные экономические потери и утратят шанс реализации своего транзитного потенциала.

В феврале 2014 г. Си Цзиньпин и Владимир Путин достигли соглашения о создании «Одного пояса — Одного пути» и соединения его с российскими евро-азиатскими железными дорогами. Иначе говоря, на наших глазах начинает воплощаться в жизнь совместное заявление о состыковке Евразийского экономического союза и трансеуразийского торгово-инфраструктурного проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (см. рис. 6).

В связи с этим необходимо учитывать крупнейшие проекты России по модернизации портов Дальнего Востока и Северного морского пути. Объединение их с проектом «Один пояс — Один путь» позволит охватить практически весь евразийский континент (рис. 10).

Как следует из аналитического доклада международного дискуссионного клуба «Валдай» «Экономический пояс Шелкового пути» и приоритеты евразийских государств», Россия и Китай объективно не могут быть конкурентами в Центральной Евразии. Сотрудничество в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути», подписанного в мае 2015 г. в Москве во время празднования 70-летия победы в Великой Отечественной войне лидерами РФ и КНР, предполагает сопряжение и взаимодействие, а не конкуренцию. Авторы представленного доклада считают, что сейчас следует говорить о возникновении «момента Центральной Евразии» — уникального стече-

¹ Silk Road Forum 2015. Madrid, 2015. P. 2–83.

Литература

1. Кефели И. Ф., Малафеев О. А. Проблемы объединения интересов государств ЕАЭС, ШОС и БРИКС в контексте теории кооперативных игр // Геополитика и безопасность. 2015. № 3 (31). С. 33–41.
2. Кефели И. Ф. Новая Евразия: от геополитического противостояния на Ближнем Востоке к распаду евразийской дуги нестабильности // Геополитика и безопасность. 2016. № 3–4 (35–36). С. 96–105.
3. Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892. С. 1.
4. Ламанский В. И. Геополитика панславизма / сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
5. Wilson D., Purushothaman R. Dreaming with BRICs: The Path to 2050 // Global Economics. N 99. 2003.